

© 1997 г. Е.Э. БАБАЕВА, А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, И.И. МАКЕЕВА

О ПРОЕКТЕ "ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА"*

"Исторический словарь современного русского языка" (далее: ИС) был задуман ныне покойным Дмитрием Николаевичем Шмелевым. Работа над словарем ведется в Отделе современного русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН.

Д.Н. Шмелевым была выдвинута идея исторического лексикона современного русского языка, в котором основным предметом лексикографического анализа станет развитие значений слов, принадлежащих актуальному словарному составу, вне зависимости от степени древности или новизны самих лексем, семантическая эволюция того или иного слова в ее достижимой целостности и полноте, пути сложения семантических структур отдельных слов, лексических гнезд и групп. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что к созданию такого словаря, имеющего дело со всей актуальной лексикой русского языка, отечественная лексикография еще не готова, и его подготовка и реализация – задача, к сожалению, не слишком близкого будущего, Д.Н. Шмелев предложил концепцию работы, в значительной мере предварительной, экспериментальной, не стремящейся к полному охвату лексического состава современного русского языка, работы, в которой могут быть испытаны различные приемы диахронического описания лексической семантики, выработаны типы словарных статей, обращенных к разным категориям и группам слов, детализован и отшлифован необходимый лексикографический аппарат.

Нужно сказать о том, что в отечественной лексикографии жанр собственно исторического словаря (если к таковому не относить, разумеется, этимологические словари, преследующие существенно иные цели) до сих пор не представлен. Те лексиконы, которые мы привычно называем "историческими словарями" ("Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам" И.И. Срезневского, "Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)" – ДРС, "Словарь русского языка XI–XVII вв." – СлРЯ XI–XVII и под.), скорее представляют собою статическое описание лексики и семантики, хотя бы и совмещающее лексический материал разных временных "срезов". Они дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, результаты которого в дальнейшем могут быть представлены в словарной форме, но самой этой динамики в открытом виде читателю не предъявляют. Сказанное ни в коем случае не следует понимать как указание на какой-либо недостаток упомянутых лексиконов: ценность письменных свидетельств в исторической лексикологии и семасиологии неоспорима, и значимость упомянутых словарей исключительно велика. Определения "исторический" в названиях словарей типа ДРС и СлРЯ XI–XVII вв. нет, и это не случайно: истории лексического состава русского языка, истории семантики даже отдельных слов они не дают, у них другая задача – прежде всего выявление и как можно более точная лексикографическая фиксация как можно большего числа лексических и семантических

* Работа выполнена в рамках проекта, получившего финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 95-06-17330.

фактов, извлекаемых из письменных документов, создание базы (точнее, одной из баз) для будущих диахронических построений, но еще не сам целенаправленный диахронический анализ. Характеризовать эти словари как исторические – это то же самое, что относить диалектные словари к области лингвогеографии на том основании, что слова в них снабжены территориальными пометами.

До некоторой степени исключение составляют "Словарь русского языка XVIII века" и "Историко-этимологический словарь современного русского языка" П.Я. Черныха. В первом из них элементы собственно исторического лексикографического анализа присутствуют в виде системы специальных помет (символов), эксплицирующих те или иные моменты эволюции отдельных слов, а тем самым и динамики лексического состава (вхождение слова в лексикон, рост употребительности, ее угасание, исчезновение слова, семантические, стилистические, функциональные изменения и т.д.). Однако этот словарь ограничен узкими хронологическими рамками в сто с небольшим лет и, в основном развивая принципы вышеуказанных лексиконов, к жанру словаря исторического может быть отнесен лишь отчасти. В словаре П.Я. Черныха имеются суждения о развитии конкретных значений того или иного слова, но они носят как правило весьма фрагментарный характер и касаются лишь заголовочного слова при явно гнездовом построении словарной статьи.

Историю слов нельзя восстанавливать, опираясь лишь на письменные свидетельства. Причиной тому – довольно узкий спектр жанров письменной речи, обусловленный заметной тематической и функциональной ограниченностью памятников, особенно относящихся к древним эпохам, неполнота и случайность многих словесных фиксаций. Существеннейшие звенья семантической биографии многих слов, в особенности начальные, письменностью вообще не свидетельствуются.

В "исторической" лексикографии большое значение, и вполне разумно, придается первым фиксациям слов – как явлению, призванному отразить вхождение слова по крайней мере в письменный узус. Однако критерии первой фиксации надежно применимы лишь к сравнительно поздней лексике определенного характера (заимствования, наименования поздних реалий и явлений социальной, культурной жизни, специальная терминология и т.д.). Лексикологам-историкам прекрасно известны недостоверность и неубедительность хронологии лексических и семантических фактов лишь по письменным источникам: памятники отражают лексику и в еще большей степени семантику весьма избирательно. Например (если судить по данным изданных выпусков СлРЯ XI–XVII вв.), до XVII века включительно в русских памятниках не фиксируются такие праславянские слова, как *безусый*, *глушить*, *густота*, *добавить*, *доказать*, *душить*, *желвак*, *клец*, *коренастый*, *котловина*, *листопад*...; только с XVII века фиксируются праславянские по возрасту слова *бабушка*, *брызгать*, *верность*, *гнет*, *груз*, *двойка*, *двойня*, *зевать*, *лиса*, *малина*, *мелеть*, *набег*, *нарезать*, *ноша*, *нырять*, *плутать*...; только с XVI века – *бездетный*, *гибкий*, *глупость*, *гриб*, *долото*, *журавль*, *кашлять*, *клин*, *клоп*, *кусок*, *кутать*, *линять*, *липа*, *манить*, *мякина*, *ножка*...; только с XV века – *бельмо*, *вернуться*, *волокита*, *ель*, *кислый*, *коса* 'волосы', *наказ*, *пар*...

В качестве источников для построения истории слов наряду с данными памятников письменности прошлых времен (при исследовании которых применяется филологический метод реконструкции прежних состояний лексики и семантики) пристальное внимание должно уделяться современной лексике, как литературной, так и находящейся за пределами кодифицированных форм языка. В этом случае на первый план выдвигается метод внутренней реконструкции: восстановление лексем по сохранившимся производным, реконструкция несохранившейся семантики мотивирующего слова по ее отражению в мотивированных, производных словах, устойчивых словосочетаниях, фразеологии и т.д.; диалектная лексика часто сохраняет семантику, отсутствующую в литературном языке, но существенную для истории слова (ср., например, значения '(какая-то) часть тела птицы' в древнерусском и 'грудная кость

курицы' в вятских говорах у слова *память* при отсутствии чего-либо подобного в современном литературном языке; диалектные значения 'зависть' у слова *зазор*, 'благоприятная пора' у *год*, 'верх, верховья', 'суша' у *гора*, утраченные литературным языком). Для восстановления потерянных звеньев семантической эволюции слова немаловажным является обращение к родственным внешним данным, в нашем случае прежде всего инославянским.

Непосредственными источниками ИС служат изданные и издающиеся словари Срезневского, ДРС, СлРЯ XI–XVII вв., словарь XVIII века, их картотеки, толковые словари современного русского языка, диалектные словари, этимологические справочники, аналитические публикации по истории русской лексики, собственные историко-лексикологические разыскания составителей.

Как было сказано, создание относительно полного исторического словаря русского языка – дело отдаленного будущего, сейчас речь может идти лишь о некоем предварительном жанре. Этим вызывается ряд особенностей ИС, которые следует оговорить.

ИС является кратким словарем. Как можно заметить по предлагаемым в данной публикации образцам словарных статей, требование краткости имеет отношение главным образом к объему словника. Составители ориентируются на словник в 1000–1200 единиц. В него включаются только знаменательные слова (апеллятивы) современного литературного языка. Диалектная лексика, как сказано выше, специальным предметом внимания в ИС не является, однако диалектные семантические факты занимают в диахроническом анализе слов подобающе важное место.

Основная цель словаря – представление семантической эволюции русской лексики, процессов сложения семантической структуры слов современного русского языка, поэтому в словник ИС включаются лишь те слова, история которых связана со значительными преобразованиями в их семантике. Несмотря на стремление составителей продемонстрировать судьбу значений каждого отдельного слова в известной полноте, для слов с богатым спектром диалектной семантики это свое желание составители вынуждены оставлять удовлетворенным не вполне: в противном случае словарные статьи могут разрастись до труднопредсказуемых размеров (в сводном "Словаре русских народных говоров" у слова *пазуха*, например, фиксируется 17 значений, у *гнездо* – 24, у *нога* – 35, у *колода* – 55...). Кроме того, семантика диалектных слов негомогенна, диалектный язык является резко выраженным полисистемным конструктором (теоретико-множественной суммой, реально в полном составе нигде не представленной).

Поскольку основным предметом анализа в ИС является лексическая семантика, постольку грамматические сведения о том или ином слове сводятся к минимально необходимому: они даются лишь в том случае, если тесно связаны с семантическими преобразованиями в истории слова.

Сведения о формальном варьировании слов (для древней лексики, осваиваемых заимствований и т.п.) даются очень ограниченно. Один из лексикографических принципов ИС – не повторять информации, которая может быть найдена в других словарях (хотя, разумеется, это правило не может быть безусловным).

Сведения о стилистической принадлежности слова подчинены общей цели словаря. При наличии сдвигов в стилистической характеристике слова они отмечаются применительно к отдельным значениям. По отношению к древнерусскому периоду стилистический комментарий может сводиться к указанию на степень распространенности слова или значения в том или ином жанре.

В отличие от упомянутых лексиконов, традиционно относимых к "историческим", которые рассматривают свой материал в ограниченном хронологическом пространстве, ИС ставит своей задачей восстановление истории слова на протяжении всего тысячелетнего существования русского языка (начиная с древнерусского, т.е. общевосточнославянского периода).

ИС адресован главным образом образованному непрофессионалу, предпочтительной

в качестве "потребителя" словаря мыслится широкая фигура гуманитария-лингвиста. Этим назначением словаря определяются некоторые особенности применяемой в нем лексикографической техники: минимальное количество эзотерической лингвистической терминологии, неприменение нумерованных рубрик, особых графических символов (как в словаре XVIII века), непрозрачных для неспециалиста сокращений, глухих ссылок, умолчаний и т.д.

При расположении значений слова внутри словарной статьи из трех возможных принципов – логико-иерархического, хронологического и генетического – в ИС предпочтение отдается последнему (об иных принципах, например, базирующемся на учете частоты встречаемости разных значений слова, в словаре предлагаемого типа не может быть речи).

Логическое построение, которое преобладает в словарях синхронистического типа (первым дается наиболее общее или абстрактное значение, затем – конкретные, с принятием во внимание употребительности соподчиненных значений), в качестве основного принципа в историческом словаре не пригодно: абстрактные значения обычно развиваются позже (например, значение 'починка, устранение неисправностей' у слова *ремонт* в русском языке вторично, первоначально слово употреблялось с семантикой 'обновление "парка" лошадей в войсках', ср. еще современное специальное значение 'пополнение стада молодняка'). При следовании логическому принципу в статье исторического словаря семантическая эволюция весьма часто рискует быть представленной с нарушением реальной зависимости между значениями.

Хронологический принцип размещения значений (значения располагаются в порядке их появления в языке) неприменим по нескольким причинам. Во-первых, хронология возникновения тех или иных значений может быть совершенно неизвестна (свидетельства памятников, как говорилось, ненадежны). Во-вторых, первые фиксации разных значений слова могут давать хронологически неадекватную картину (например, исходное значение глагола *основати* 'сделать основу ткани' в памятниках впервые фиксируется в XVII веке, тогда как очевидно производная семантика 'утвердить, учредить' свидетельствуется уже Остромировым евангелием, XI век; к XI же веку относятся фиксации значений 'сильный, крепкий' и 'крюк' у слов *железный* и *ноготь* соответственно, в то время как первичные их значения 'сделанный из железа' и 'ноготь' отражаются восточнославянской письменностью лишь в XII–XIII веках). В-третьих, значения многозначного слова весьма часто образуют древовидную структуру; линейное расположение значений такого слова в словаре в порядке возникновения лишает их внутренней связи.

Г е н е т и ч е с к и й принцип построения значений внутри словарной статьи, избранный в ИС, опирается на сохранение и явное представление древовидной структуры: сначала дается первичное значение, даже если оно весьма редко или представлено только поздними письменными фиксациями, затем производное₁ и его дальнейшие производные, производное₂ и его производные и т.д. Однако неясность генетических зависимостей между значениями многозначного слова, по-видимому, потребует применения иных последовательностей, прежде всего логической; выдержать генетический принцип следования значений без отступлений от выбранного правила можно будет, вероятно, далеко не во всех случаях. В связи с оговоренной ранее сложностью хронологизации лексико-семантических изменений по имеющимся источникам указания на время появления и исчезновения у слова того или иного значения могут носить предположительный характер.

Для наглядного представления сложной картины семантических изменений в истории слова во многих случаях авторы ИС считают необходимым сопровождать словарную статью графической схемой его семантического развития.

В связи с тем, что ИС обращен главным образом к истории значений, специальное внимание в нем уделяется такой проблеме, как отражение с и с т е м н ы х с в я з е й и зависимостей в семантической эволюции лексики (межпарадигматические семантические связи, аналогическое семантическое развитие, взаимная смысловая

специализация разных слов, групповая эволюция и т.п.). Ср., например, связанность во времени (конец XVIII века) смысловой специализации слова *овоц* 'плод' > 'огородная культура' с семантической дифференциацией слов *сад* : *огород* (следы старого значения слова *овоц* можно усмотреть, например, в современных сочетаниях *овощной магазин* 'магазин, торгующий различными плодами [а не только овощами]' и под.).

Представляется важным показать в ИС меру самобытности семантической эволюции русской лексики. Весьма желательной представляется экспликация различий между "банальными" и "оригинальными" моментами в истории лексической семантики. Помимо прочего, это может достигаться включением в состав словарной статьи с е м а н т и ч е с к и х п а р а л л е л е й – диалектных, инославянских, внеславянских (ср. *цыпки* 'трещинки на обветренной коже' : псков., твер. *гуси* 'то же'; *собачка* 'блокиратор, чека, спусковой крючок' : укр. диал. *тютік*, *цуцик* 'то же', болг. *кучка* 'то же', букв. 'собачка'; русск. *книжка* 'отдел желудка жвачных животных' : франц. *psautier* 'то же', англ. *psalterium* 'то же', букв. 'псалтырь'; русск. *свинка* название болезни : нем. *Ziegenpeter* 'то же', букв. 'козий Петр').

В тех случаях, когда семантические преобразования оказываются тесно связанными от изменений во внеязыковой действительности (в т.н. "культурной лексике"), составители ИС считают целесообразным сопровождать собственно лингвистический комментарий справками энциклопедического характера.

В качестве иллюстративного материала используются цитаты из памятников письменности, по возможности сведенные к минимальному контексту, классической и современной литературы, отдельные речения.

ГОРОД¹

Слово восходит к праслав. основе **gordъ* (**gorda*, **gordь*), которая продолжает и.-е. обозначение **gherdho-/ghordho-*, ('то, чем огораживают', 'отгороженное место', 'отделенная часть чего-либо', данное обозначение происходит от глагольного корня **gher-/ghor-* 'огораживать'), производной от глагола **gorditi* (ср. *городить*). Слово *городъ* в русском литературном языке фиксируется с XII в., однако за пределами книжной письменности оно известно и в XI в. (см., например, новгородские берестяные грамоты). В истории русского языка исконная полногласная форма конкурирует с заимствованной (южнославянской) неполногласной формой *град(ъ)*. С начала функционирования слово являлось полисемантическим. Внутренняя структура слова на протяжении XII–XVIII вв. оказывается более сложной, чем в современном языке. Взаимодействуя со словами *град*, *ограда*, *огород*, *городок*, она сильно упростилась и свелась к стилистически нейтральному обозначению крупного населенного пункта, а также, по принципу метонимии, жителей данного населенного пункта. Однако в современных русских диалектах слово сохраняет более разветвленную систему значений, объединяемых общим компонентом 'сооружение, нагромождение', ср., напр., *город* 'нагромождение льдин, образованное при взломе льда на море' (урал.), 'несколько бабок льна, поставленных в определенном порядке' (рост., яросл.), а также *городок* 'лабиринт, выложенный (в древности) из камней на земле' (кольск.), *городки* 'скопление, груда посуды (обычно грязной)' (соликам.). Экспрессивный характер носят моск., влад. *город* 'высокая, крупная женщина', олон. *город-девка* 'богатая и пригожая девка, завидная невеста' (не исключено, что в последних примерах косвенно сказалось влияние библейских текстов, содержащих метафорическое отождествление города – Иерусалима, Вавилона и др. – с девой-невестой и блудницей, ср., напр., Откр. 21, 9–10; Ис. 1, 21, в конечном счете восходящее к универсальному мифопоэтическому отождествлению земли и женского начала, ср. *мать-земля*, греч. *μητρόπολις* 'столица', букв. 'мать-город').

¹ После каждой словарной статьи стоят инициалы автора.

– ‘ограда, стена’: Многы *города* разсыпа (Ипатьевская летопись, XV в.). Значение является, по всей видимости, наиболее древним (так, оно фиксируется в тексте “Житие и хожене Данила Русьския земли игумена”, сохранившийся список которого восходит к 1106–1107 гг.) и утрачивается к XIX в. В др.-русс. письменности обычно используется для обозначения крепостной стены, вала вокруг населенного пункта, крепости, монастыря (ср. старославянское *градъ* ‘стена’). Значение ‘изгородь’, т.е. ‘ограда’, не предназначенная для обороны при военных действиях, в отличие от литературного языка известно совр. русск. диалектам. Ср. аналогичное знач. у *град*, *ограда*, *огород*.

– ‘защита’: вы есте нашъ *городъ* (Переяславская летопись, XV ~ XIII вв.). Значение зафиксировано в ряде летописных сводов XIII–XV вв. (Переяславской лет., Лаврентьевской лет., Ипатьевской лет., Радзивилловской лет.) в одном и том же устойчивом контексте под 1169 г. (борьба Глеба против половцев), восходящем, по всей видимости, к Владимирскому летописному своду XIII в. При отсутствии других письменных свидетельств подобного употребления это значение может считаться окказионализмом, поддержанным, однако, аналогичным употреблением близких по семантической структуре слов *ограда*, *огород*, *оплот* (др.-русс. ‘ограда’, к *плести*, > ‘защита, твердыня’), *стена*, *забрало* (ср.: Русския земли столпа и *забрала*, *крѣпкаго* воеводы не стало. Повесть о Скопине-Шуйском, 1343; совр. *как за каменной стеной*). К развитию значения ср. лат. *murus* ‘стена’ > ‘оплот, защита’.

– ‘особое устройство, служащее для обороны или, наоборот, атаки’: И стояша [немцы] у города 18 дний, ...*города* своя придвигающе (Вторая Псковская летопись, XV в.). Значение, возникшее как метафорический перенос с предыдущего или же как производное от глагола с семантикой ‘сооружать, строить’ (< *городить*), фиксируется в летописных сводах XIII–XV вв. Устройства, применявшиеся в военных целях, судя по всему, имели вид высокой стены или же импровизированной крепости. Ср. более частотное употребление в этом значении слова *градъ*.

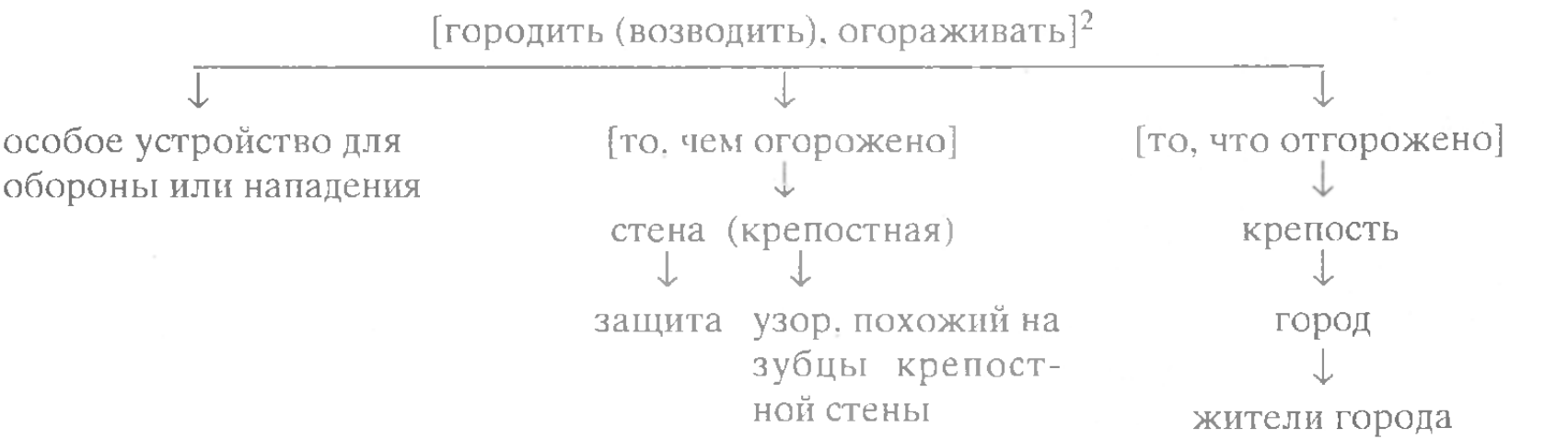
– ‘крепость’ (обычно внутренняя – *кремль*, – имевшая также название *детинец*, тогда как внешняя крепость носила название *острог*, *кромный городъ* и др.): Бысть же пожаръ на Москвѣ погорѣ *город* Кремль (Московская летопись, XV в.). Значение производно от значения ‘ограда’ с мотивировкой ‘то, что находится внутри, огражденное место’ (ср. русск. диал. ‘любое огороженное место’, *городина* – ‘место в хлеву, огороженное кольями’). Фиксируется с XIII в. и сохранялось до нач. XIX в. (ср. в амур. говорах *город* – ‘крепость из снега, которую берут приступом в последний день масленицы’, а также болг. *град*, макед. *град*, словин. *grad*, чеш. *hrad*, словац. *hrad*, в.-луж. *hród*, н.-луж. *grad*, полаб. *gord*, польск. *gród* в знач. ‘крепость, замок’, а также основанные на такой же мотивировке производные значения в.-луж. *hródź* ‘хлев’, н.-луж. *gradź* ‘конюшня, хлев, курятник’, полаб. *gord* ‘сарай, гумно’, др.-русс. *граждь* – ‘конюшня, хлев’ и др.). Аналогичное семантическое развитие представлено и в других и.-е. языках, так, напр., хетт. *gurta*, восходящее к той же и.-е. основе, стало обозначать ‘крепость’, литов. *gaĩdas* ‘стойло’, гот. *gards* ‘дом’, др.-англ. *geard* ‘сад, огород’, нем. *Garten* ‘сад’ и т.д.). На данном принципе метонимического переноса основаны и некоторые другие терминологические употребления, например, в народных подвижных играх – при игре в мяч, в чижа, в лапту, в городки – ‘ограниченное, обычно центральное поле, из которого выбивают чурки игроков’ или же ‘место, отведенное для каждой из команд’ (к развитию этого значения ср. греч. πόλις ‘город’ > ‘игра (вроде шахматной)’). Ср. аналогичный метонимический перенос в *град*, *ограда*, *огород*.

– ‘административный и культурный центр, крупный торгово-промышленный населенный пункт (в древности окруженный крепостной стеной или валом)’: и бысть въплъ и плачь и печаль по *городомъ* и по селомъ (Первая Новгородская летопись, XIII в.). Значение, производное от предыдущего, фиксируется в русском литературном

языке с XII в. (в новгородских берестяных грамотах, например, № 238, – с XI в.) и до сих пор является основным значением слова. Город первоначально противопоставлялся посаду, слободам – торгово-ремесленной части населенного пункта, находившейся вне городской стены. Ср. ст.-слав. градъ, болг. град ‘город’, а также макед. град, словн. grad, н.-луж. grod, др.-польск. gród, др.-укр. город, белор. горад в том же значении. В конкретном употреблении слово город может использоваться для обозначения какого-либо конкретного места: ближайшего к селу или деревне города (так, например, в ряде русских говоров, ср.: Отец с матерью отправились в ту заповедную страну, которая называется городом... Бунин. Жизнь Арсеньева), или же центра (торгово-административного) города (разг. мне сегодня надо в город, ср. в волог. и калуж. говорах значение ‘рынок, базар’, а также в речи москвичей нач. XIX в. ‘гостиный двор’), что очевидным образом связано со старым противопоставлением города и посада. Ср. то же для град.

– ‘обитатели города’: мѣсто нетяглое пустое... пашутъ городомъ (Новгородские писцовые книги, XVI в.). Значение представляет собой регулярно реализующийся в языке тип метонимического переноса и фиксируется с XII в. Непосредственно связанное с предыдущим, оно сохраняется в современном русском языке. Ср. град, за пределами слав. языков ср., например, греч. πόλις, лат. civitas, франц. ville, англ. town ‘город’ > ‘население, горожане, граждане’.

– (множ. ч.) ‘особый род украшения, напоминающий зубцы крепостной стены’: Рвала цветы со травы, вила венки с городы (фолькл.). Значение, возникшее как метафорический перенос, основанный на сходстве внешнего вида крепостных стен (а именно бойниц, образующих верх крепостной стены в виде ряда зубцов) и определенного типа узора, фиксируется в ряде текстов XV–XVIII вв., носящих инвентарный характер, выступает, вероятно, в качестве термина и служит обычно для описания рисунка на ткани, типа кружев, особым образом сплетенного венка и формы венца. Самые ранние употребления относятся к слову венок: венки с городы (древняя форма творит. п.) или с городами упоминаются и в фольклорных текстах. Значение известно современным русским говорам (арх., перм., волог., яросл., влад., ряз., орл.). Ср. городок ‘зубец’.

Ел. Э.Б.

ХИТРОСТЬ

Слово восходит к праслав. **xytrostь* (см. хитрый). В русском литературном языке фиксируется с XI в. Редукция системы значений связана с аналогичным процессом у прилагательного, поскольку слово обозначало свойство по значению прилагательного хитрый (‘умный’, ‘искусный, умелый’, ‘коварный’).

² В квадратные скобки помещается искусственно реконструируемое звено семантического развития слова, позволяющее объяснить логику перехода от производящего значения к производному.

– ‘практические навыки, ремесло’: Старець... имѣя *хитрость* рыбную ловлю (Житие Кирилла Белого Новоезерского, XVII в.). Значение фиксируется с XI в., известно русскому литературному языку XIX в. Значение возникло как развитие представления о быстроте, ловкости и сноровке выполнения действия, ср. макед. *итрост*, сербохорв. *хѣтрѣст*, словен. *hitrôst*, словац. *chytrôst'*, в.-луж. *khětrosć* в знач. ‘проворство, скорость’. История этого значения тесно связана с историей слова *художество* (см.). Оба слова могли использоваться как синонимы в значении ‘ремесло’ или ‘мудрость’ (см. ниже), однако могли и противопоставляться, различая практические навыки и собственно науки; так, в “Диалектике” Иоанна Дамаскина читаем: “*хытрость* есть иже рукама делаемое *художьство* же всяка словесьна *хытрость*”. Надо заметить, что лексемы могли меняться местами при той же актуализации противопоставления (т.е. слово *хитрость* могло обозначать науки, а *художество* – ремесла). В этом противопоставлении вербализуется учение о “внешних” и “внутренних” умениях, или, иначе говоря, о “служительных” и “свободных” искусствах. Под “свободными” искусствами традиционно подразумевались семь наук: грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Желание установить симметричные отношения между двумя типами “искусств” привело к выделению семи “служительных” (“рукодельных”) профессий: знаменование, лов, воинство, кование, рукометство, писание, кораблеплавание.

– ‘знания, мудрость, ум’: Даи же князю... силу храбрость Александрову... *хитрость* Давидову (Слово Даниила Заточника, XVII в.). Значение фиксируется с XI в. (в переводных памятниках часто в соотв. с греч. *ἐπιστήμη*, лат. *scientia*), утрачивается в XVIII в. Значение возникло как развитие представления о быстроте ментального действия, ср. макед. *итрост*, сербохорв. *ѣтрост*, чеш. *chytrôst*, словац. *chytrôst'*, словин. *čitrôst* в значении ‘сообразительность’. В др.-русс. книжности принято было разграничивать человеческую, волшебную и божественную “хитрости”. О связях со словом *художество* см. выше.

– ‘изобретение; приспособление, служащее для решения некоей практической задачи’: махинас есть всякая *хитрость* на поборение града (Геннадиевская Библия, 1499 г.). Значение фиксируется с XII в., известно русскому литературному языку XVIII – нач. XIX в., появилось для номинации результата практической и мыслительной деятельности (см. выше).

– ‘произведение человеческих рук, служащее для украшения чего-либо’: [церковь] *хитростьма* убо украшенну велми (Измарагд, XVI ~ XIV вв.). Значение фиксируется с XI в., известно русскому литературному языку XIX в., возникло как обозначение результата практической деятельности (см. выше).

– ‘сложность, мудренность’: монастырь... емуже... мало есть подобно красотою... *хитростию* здания и богатствомъ (География, 1710 г.). Значение, возникшее на основе знач. ‘ум, мудрость’ через ступень ‘то, что требует применения мыслительных способностей’, фиксируется с XII в., известно русскому литературному языку XX в. (ср. совр. *не велика хитрость!*).

– ‘особый умысел, обман, лукавство’: а учиница у нихъ душегубство без *хитрости* ково громы убьет, или з дерева убьетца или кого возомъ сотретъ или озябнетъ или згоритъ или водою принесетъ... (Важские грамоты, 1623 г.). Значение фиксируется с XIII в., известно современному литературному языку.

Ел. Э.Б.

БОДРЫЙ

Восходит к праслав. **bъdгъ(jь)*, образованному от праслав. глагола **bъděti* (< и.-е. **bheu-dh-*), означавшему, по-видимому, ‘не спать’, ‘держатъ глаза открытыми’ (ср. лит. *budėti* ‘не спать’, а также глагол *бдеть*, означающий наряду с ‘бодрствовать’ ‘наблю-

дать, следить за кем-либо', и родственный глагол *блюсти*). В русском литературном языке фиксируется с XI в.

– 'неспящий, неспящий и в силу этого внимательный, бдительный (в противовес спящему, лишенному возможности наблюдать происходящее вокруг)': Дньсь на земли лежа и *бъдръ* (Изборник Святослава, 1073 г.). Фиксируется с XI в., известно русскому литературному языку XVIII в. В др.-русс. книжности часто использовалось выражение *бѣдрое око*, в котором реализовывалось значение 'бдительное, неусыпное' (ср. книжное *око недреманное*, использующееся в современном языке часто в иронических контекстах).

– 'полный сил, готовый к деятельности, активный (в противовес состоянию усталости и пассивности, с которым ассоциируется сон)': о всякомъ деле буди *бъдръ* (Изборник Святослава, 1076 г.). Фиксируется с XI в., известно русскому языку XX в. В литературном языке не зафиксировано употребление прилагательного в значениях 'полный сил > здоровый' по отношению к человеку и 'крепкий' по отношению к неодушевленному предмету, однако они представлены в фольклоре и диалектной речи: *Подхватила-то Илью да на косу бодру* (Онежские былины), диал. *бодрый* 'здоровый' известно в урал., калуж., пск., тверск., арханг. говорах. Ср. значение 'крепкий' (об одежде) в арханг. и олон. говорах или же сочетание *бодрое семя* в урал. говорах. Положительные коннотации, реализующиеся в этом значении, дали возможность диалектам развить на его основе следующие значения: 'здоровый > красивый' (урал.), 'красивый > нарядный' (ряз., урал., перм., волог., иван., свердл., тюм., арханг., смол.), 'здоровый > веселый' (пск.), 'здоровый > хороший' (урал., олон.).

– 'смелый': бунтовщики суть все *бодры* упрямы постоянны и верны до конца (О войнах, из книг Цезариевых, 1711 г.). Фиксируется с XV в., известно русскому литературному языку XIX в. Значение возникло на основе предыдущего: 'полный сил, готовый к деятельности' > 'ревностный, стремящийся заявить о своей активности' > 'не теряющий своей активности ни при каких обстоятельствах, храбрый'. Ср. русск. диал. *бодрый* 'смелый' (астрах.), а также 'опрометчивый' и даже 'гордый, самонадеянный' (твер.).

Ел. Э.Б.

ХУДОЙ

Восходит к праслав. **xudъ(jь)*, продолжающему и.-е. корень **ksoudo-*, связанному с идеей малости (дробности). В основе системы значений лежит, вероятно, идея количественного отклонения (по размеру, объему) от некоего принятого стандарта, которая может переосмысливаться и как качественное отклонение (ср., например, лат. *parvus* в значениях 'маленький', 'слабый' и 'жалкий', 'скромный, незаметный'). В русском литературном языке фиксируется с XI в.

– 'маленький': обрѣте бо ся имъ *худая* та радость на великую печаль и скорбь (Слова и поучения против язычников, XIV в.). Значение фиксируется с XI в. и отмирает примерно к нач. XVII в. Ср. ст.-слав. *хѹдъ* в соответствии с греч. *ἐλάχιστος*, *μικρός* *βραχύς* ('малейший', 'маленький').

– 'ветхий, дырявый': котлик железной... *худ* (Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, 1667 г.). Значение фиксируется с XI в. и известно русскому литературному языку XX в. (ср. совр. *прохудиться*).

– 'слабый, больной, чахлый (последнее часто о растении, почве)': дѣло есть н(е)-б(е)сное видимо и *худыима* зѣницами (Шестоднев Иоанна Экзарха, 1263 г.). Значение фиксируется с XI в. и было известно в русском литературном языке XVIII в.

– 'тонкий, сухощавый': а скоть де ихъ... *худой* мѣняли... на доброй жирной (Дополнения к Актам историческим, 1685 г.). Значение, представленное в большинстве славянских языков, фиксируется с XIV–XV вв., однако наибольшее распространение получает начиная с XVII в.; сохраняется в современном литературном языке.

– ‘бедный’: богатъ ли... худъ ли все б(о)жиемъ промыслѣмъ (Изборник Святослава, 1076 г.). Значение фиксируется с XI в. и было известно литературному языку XIX в. (Ср. чеш. *chudý*, в.-луж. *khudy*, н.-луж. *chudy*, польск. *chudy*, полаб. *ħaudě*, укр. *худий* в том же значении.)

– ‘незнатного происхождения’: бѣ же [Мефодий] рода не худа (Житие Мефодия, XII в.). Значение, возникшее на основе значения ‘бедный’, фиксируется с XII в. и было известно литературному языку XIX в. (Ср. в ст.-чеш. *chudý* ‘крепостной’.)

– ‘плохой’: а новоизданные книги худы (Материалы для истории раскола, XVII в.). Значение фиксируется с XI в. и было известно русскому литературному языку нач. XX в. (ср. совр. *на худой конец*). С XII в. входило в этикетную самоуничижительную формулу *азъ худыи и грѣшныи*. (Ср. диал. субстантивированную форму *худой* ‘дьявол’; болг. *худый*, сербохорв. *хѹд*, словен. *hūd*, полаб. *ħaudě*, чеш. *chudý*, укр. *худий* в значении ‘плохой’. В некоторых слав. языках общая идея “плохости” может конкретизироваться, например, словен. *hūd* ‘злой’ и полаб. *ħaudě* ‘злой’, ‘безобразный’). Реликтом этого значения является перенесенная в парадигму лексемы *плохой* форма сравнительной степени от прилагательного *худъ* – *хуже* (при наличии формы *худее*, закрепленной за единственно живым в современном литературном языке значением ‘тонкий, сухощавый’), вытеснившего исконную форму *плоше*.

Ел. Э.Б.

БЛУДИТЬ

Слово унаследовано из праслав. лексического фонда: праслав. **blqđiti*, производное от имени **blqđъ < *blęsti*.

В старославянском языке было известно в значениях ‘блуждать’ и ‘развратничать’, употребляясь в соответствии с греч. *πλανῶσθαι*, *πορευέειν*. В восточнославянской письменности фиксируется с XI в.

В славянских языках семантика основы связана с идеями блуждания, заблуждения и разврата, распутства. Последнее является производным от значения ‘заблуждаться, ошибаться’; мотивировкой мог послужить взгляд на распутство, порицаемое обществом, как на разновидность заблуждения. Ср. *грѣшити* ‘заблуждаться, ошибаться’ и включение распутства в число грехов.

Семантика глагола *блудити* в истории русского языка соответствует семантике производящей основы. Впоследствии древнее значение ‘заблуждаться, ошибаться’ было утрачено. Глагол, некогда принадлежавший к книжной лексике, был переосмыслен как принадлежность просторечия. Стилистически нейтральной стала поздняя собственно русская лексема *блуждать*. Семантически более узкая, принадлежащая системе глаголов движения, она явилась преемником *блудить* в литературном языке.

В русском литературном языке XIX–XX вв. получили распространение поздние русские образования от основы *блуд-* < **blqđ-* < **blęd-* (блуждать, блуждание) с указанным ограничением в семантике. Древняя лексика перешла в разряд ненормативной (*блѣдъ* и др.) или просторечной (*блудить*, *блудливый*, *блудня/блудни*), устарела (*блуд*, *блудница*) или же вообще утратилась (*блудилище*, *блудитися*, *блудник*, *блудничищъ*, *блудничник*, *блудодей*, *блудство* и др.).

– ‘заблуждаться, ошибаться’: не *блудитъ* церковь Христова... но *блудитъ* еретическая (Материалы для истории раскола, 1666 г.). Значение фиксируется с XIII в., можно предполагать его более раннее – с XI в. – появление, исходя из времени создания памятников, в которых оно представлено (например, сочинения митрополита Илариона). Как правило, значение проявляется в контекстах, где речь шла о различных отступлениях от правой веры, ересях, расколе. Спорадически встречается в XVIII в., в дальнейшем утрачивается.

– ‘блуждать’: *блудяще* по лѣсомъ (Воскресенская летопись, XVI в.). Значение фиксируется с XII в., хотя, видимо, существовало уже в XI в., о чем может свидетельствовать время создания некоторых памятников, в которых оно встречается. В русском языке XX в. литературным эквивалентом просторечного *блудить* в этом значении стал глагол *блуждать*. Значение известно русским диалектам (например, урал.).

– ‘вести не туда, куда нужно’: наутрея же вожемь не вѣдущимъ *блудящимъ* (Ипатьевская летопись, XV в.). Значение представлено единственным примером. Является окказионализмом, обнаруживая древнюю функцию каузатива, когда-то свойственную глаголу.

– ‘развратничать, распутничать’: *аще... кто... от жены блудитъ* (Домострой, XVI в.). Значение фиксируется с XI в., известно русскому языку XX в. Оно отражено также в прилагательном в выражении *блудный сын*, истоки которого лежат в евангельской притче (Лук. XV, 11–32). Глагол имел управление *блудити с кем-л., от кого-л.* Некоторые случаи (*блудити кого-л.*) позволяют предполагать, что глагол мог употребляться в функции каузатива.

– ‘бродить, скитаться, странствовать’: *изгнан бых и от вас... блудих* по чюжимъ странамъ (Московская летопись, XVI в.). Значение фиксируется с XIII–XIV вв. по XVII в.; в дальнейшем в литературном языке было утрачено, перейдя к глаголу *блуждать*. Производно от ‘блуждать’ на основе имеющегося компонента ‘перемена места’. Значение отражено в других слав. языках у прилагательных, восходящих к **hlqdyňъ(jь)*: словен. *hlóden* ‘бродячий’, чеш. *bludny* ‘то же’, н.-луж. *bludny* ‘бродячий, странствующий’ и др.

В XVIII в. только у причастия *блудящий* (*блудящая мысль, дума, блудящий взор*) фиксируется переносное к ‘бродить’ значение ‘не останавливающийся ни на чем. блуждающий, беспокойный’, которое стало узуальным значением глагола *блудить*.

– ‘причинять ущерб’: *чтобъ они в лес мой ходили смирно, а не блудили*, пчел не выдирали (Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, 1660 г.). Значение фиксируется с XVII в., хотя, видимо, было известно уже в XVI в., о чем свидетельствует время создания одного из источников, в котором оно представлено. Спектр возможных действий, которые причиняли ущерб, первоначально был довольно широким: субъект действия (человек или животное) проказничал, портил что-л. из шалости, тайно съедал съестное и т.д. Постепенно значение начинает сужаться: в XVIII в. *блудить* значило ‘шалить’ и, в частности, ‘шкодить (о кошке)’. В просторечии XX в. уже только ‘воровать, таскать (преимущественно о животных, кошке)’. Значение производно от ‘заблуждаться...’, мотивировано включением обозначаемых действий в ряд других, несоответствующих нормам поведения.

Значение	Периодизация		
	XI–XVII	XVIII	совр. русск. язык
‘заблуждаться, ошибаться’	б	–	–
‘блуждать’	л	блудить/блуждать	блудить (прост.)/ блуждать
‘бродить, скитаться, странствовать’	у	блуждать	блуждать
‘развратничать, распутничать’	д	блудить	блудить (прост.)
‘причинять ущерб’	и	блудить	блудить (прост.)
‘переходить от одного к другому, менять направление’	т и	только у прич. блудящий	блуждать

И.М.

ВОСХИТИТЬ

Слово унаследовано из праславянского лексического фонда: праслав. **xytiti*. В русский литературный язык было заимствовано из церковнославянского *въсхытити*; фиксируется с XII в.

В старославянском языке было известно в значении 'взять, похитить', употребляясь в соответствии с греч. ἀρπάζειν, συναρπάζειν, ἐπαίρειν.

Глагол является приставочным образованием от *хытити*, что и обусловило его семантику: благодаря приставке появилось значение, связанное с движением вверх; семантика захвата, похищения обусловлена корнем. Слово утратило все древнейшие значения; сохранилось лишь одно, известное с XVIII в. Этот период был временем кардинальных перемен в семантической структуре слова. Глагол являет собой тот редкий пример, все семантические изменения в котором последовательно и детально засвидетельствованы в языке: 'поднять на высоту, вверх. на небо' > образное и переносное употребление, где присутствует мотив вознесения духом или туда, где есть райские красоты и под. > 'привести в восторг'. При этом произошло перемещение ударения: старое *восхѣтитъ* > *восхитѣтъ*. В XIX в. глагол имел старое и новое ударение.

– 'взять, забрать, схватить': не убию, не украду... не *въсхити* чужего обидою (Троицкий сборник, XIV в.). Значение фиксируется с XII в.; известно русскому языку XVIII в., где было уже выходящим из употребления; в дальнейшем утрачено. В зависимости от контекста глагол мог обозначать другие близкие действия: 'получить', 'захватить', 'выхватить', 'извлечь, избавить (от бед, опасности)' и др. Значение обусловлено корнем, приставка придает значение совершенного вида.

– 'похитить; увести, унести': нѣкогда кот *восхити* алектора (Зрилице, XVIII в.). Значение фиксируется с XIII в.; возможно его более раннее появление, поскольку список одного из памятников, по которому известно слово в данном значении, восходит к XII в. Было известно русскому языку XIX в.; в дальнейшем в литературном языке утрачено. Как и предыдущее, данное значение обусловлено семантикой корня и приставки.

– 'поднять на высоту, вверх; вознести на небо, к небу': *восхищено* бысть отроча на воздух (Материалы для истории раскола, 1665 г.). Значение фиксируется с XIII в., хотя можно предположить его более раннее появление – XI в., т.к. к этому времени восходит список одного из памятников. Известно русскому языку XIX в.; в дальнейшем было утрачено. Значение обусловлено семантикой корня и в большей степени приставки: отсюда компонент высоты. Глагол имеет образное употребление и переносное 'превознести'.

– 'привести в восторг, радостное воодушевление': Превосходное *восхищает* (Московский Меркурий, 1803 г.). Значение фиксируется с XVIII в., известно русскому языку XX столетия, где является единственным значением слова. Производно от предыдущего через промежуточную ступень образного употребления.

И.М.

ГРУЗИТЬ

Слово унаследовано из праслав. лексического фонда: праслав. **grqziti*, связанное чередованием с **gręznqti* (см. *грязнуть*). В русском литературном языке фиксируется с XIII в., однако слово слабо засвидетельствовано.

Семантика основы, в разной степени представленная в различных слав. языках и диалектах, связана с идеей погружения, откуда затем развились значения 'груз, тяжесть' и 'вязкость', 'грязь'. С точки зрения богатства семантики и количества производных (русс. диал., укр. *грузь*, русск. *грузный*, укр. диал. *грузний*, белорус. *грузны*) восточнославянские языки выделяются на фоне других славянских языков.

Первоначальная семантика глагола была связана с идеей погружения в воду. Ср. в других слав. языках: сербохорв. *gružiti* 'макать, погружать, окунать', чеш. *hroužiti* 'погружать', польск. *grążyć* 'погружать' и др. Дальнейшее своеобразное развитие семантики глагола представлено в древне- и старорусском языке и является его отличительной особенностью. Через ступень 'подвешивать груз, чтобы погрузить в воду' (ср. русск. *грузило*) > 'делать тяжелым' появляются значения 'грузить', 'загружать'. При этом первоначальное значение утратилось.

– 'погружать в воду, потоплять': петру волнами *грузиму* (Ярославский сборник, XIII в.). Значение фиксируется с XIII в., также и в образном употреблении; известно русск. языку XVIII в., но уже как редкое, в дальнейшем утрачивается. При глаголе часто имеется пояснение, уточняющее, куда именно происходит погружение: пришла погода великая с великою бурей... и лодью стало совсем *грузить в море* (Розыскные дела о Федоре Шакловитом, 1691 г.).

– 'обременять тяжестью, отягощать': и от тяготы д(у)ша *грузима* (Григорий Богослов, XIV в.). Значение известно по памятникам XIV–XV вв., список одного из произведений, в котором оно представлено, восходит к XIII в., так что можно предположить его более раннее появление. В древнерусском языке значение фиксируется в образном и переносном употреблении. Прямое значение встречается в фольклорных текстах, записанных на севернорусской территории: Состроилъ ей мужъ червончатый корабъ, онъ нось дѣлалъ по змѣиному... нось *грузилъ* чистымъ серебромъ (Онежские былины в записи Гильфердинга). Следы прямого значения сохраняются в приставочном образовании, ср., например, в "Сказке о рыбаке и рыбке" А.С. Пушкина: "жемчуги *огрузили* шею...".

Продолжение развития семантики в сторону переносных значений представлено в старобелорусском языке, где глагол *gružiti* значил 'губить'.

– 'грузить, складывать (грузы)': соль *грузить* в суды (Акты исторические, XVII в.). Значение фиксируется с XVII в., характерно для деловых источников; известно русскому языку XX в., однако с некоторым расширением: если первоначально местом погрузки были суда (водный транспорт, ср. значение 'погружать в воду'), то в настоящее время таких ограничений нет.

– 'загружать, наполнять (грузом) что-л.': карован карабелной что серебромъ *гружен* (Куранты, 1621 г.). Значение фиксируется с XVII в.; известно русскому языку XX в. в более широком варианте: местом погрузки служит любое транспортное средство, а не только суда, как это было первоначально.

И.М.